

ФРАНЦ
КАФКА

Письма к Фелиции

АСТ
МОСКВА

УДК 821.112.2
ББК 84 (4Авс)
К 30

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с немецкого *М. Рудницкого*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Кафка, Франц.

К 30 Письма к Фелиции: роман / Франц Кафка ; [пер. с нем. М. Рудницкого]. — Москва : АСТ, 2014. — 480 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-087872-7

Это собрание писем Франца Кафки к невесте, отношения с которой складывались далеко не просто — впрочем, многое ли вообще было просто в жизни одного из самых ярких писателей Европы? Каждое из этих эпистолярных произведений — документ предельной психологической обнаженности. Читателю предстоит познакомиться с совершенно иным Францем Кафкой — не с «темным гением», а с ранимым, неуверенным в себе молодым человеком, способным и на страстное чувство, и на глубочайший его анализ...

УДК 821.112.2
ББК 84(4Авс)

ISBN 978-5-17-087872-7

© Перевод. М.Л. Рудницкий, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

20.09.1912

Многоуважаемая сударыня!

На тот — легко допустимый — случай, если Вы обо мне совсем ничего не вспомните, представлюсь еще раз: меня зовут Франц Кафка, я тот самый человек, который впервые имел возможность поздороваться с Вами в Праге в доме господина директора Брода и который затем весь вечер протягивал Вам через стол одну за одной фотографии талийского путешествия, а в конце концов вот этой же рукой, которая сейчас выстукивает по клавишам, сжимал Вашу ладонь, коим рукопожатием было скреплено Ваше намерение и даже обещание на следующий год совершить вместе с ним путешествие в Палестину.

Если охота предпринять поездку у Вас еще не пропала — Вы ведь сами сказали, что непостоянством не отличаетесь, да и я ничего похожего в Вас не заметил, — тогда нам не только стоило бы, но даже просто необходимо попытаться об этом путешествии как следует договориться. Ибо краткий, для путешествия по Палестине слишком краткий срок нашего отпуска нам придется исчерпать до самого доньшка, а достичь этого можно, только наилучшим образом подготовившись и загодя придя относительно всех приготовлений к полному взаимному согласию.

В одном только я вынужден признаться, как ни скверно это звучит и как ни плохо вяжется со всем предыдущим: я очень неаккуратен в переписке. Впрочем, дело обстояло бы еще хуже, не будь у меня пишущей машинки, ибо даже когда

у меня совсем нет настроения для письма, кончики пальцев всегда тут как тут. Впрочем, в награду за это я никогда не жду и ответной пунктуальности от адресата; даже ожидая ответного письма изо дня в день с возрастающим нетерпением, я совсем не огорчаюсь, когда письма нет, когда же оно наконец приходит, я, бывает, даже пугаюсь. Сейчас, закладывая в машинку новый лист, я замечаю, что, пожалуй, перегнул палку в живописании собственного тяжелого характера. Что ж, если я и впрямь допустил такую промашку, поделом мне, не надо было приниматься за это послание на шестом часу рабочего дня, да еще писать его на машинке, с которой я еще не очень-то в ладах.

И тем не менее, тем не менее — кстати, единственный недостаток писания на машинке как раз в том, что случается иногда вот этак зарпортоваться, — даже если у Вас возникают сомнения относительно того, чтобы взять меня с собой в путешествие в каком хотите качестве — дорожного спутника, путеводителя, балласта, тирана, — равно как и сомнения относительно меня как корреспондента (пока что ведь у нас речь лишь об этом), — не стоит торопиться с отрицательными решениями, может, лучше все же попробовать меня в одном из этих качеств?

Искренне Ваш
д-р Франц Кафка.

28.09.1912

Уважаемая сударыня!

Извините, что пишу Вам не на машинке, но мне так неусветно много надобно Вам поведать, машинка же стоит в коридоре, к тому же письмо представляется мне настолько безотлагательным, а у нас в Чехии сегодня праздник (что, впрочем, с вышестоящим извинением связано не настолько уж строго), к тому же машинка пишет, на мой вкус, недоста-

точно быстро, погода сегодня дивная, окно у меня распахнуто (но я всегда живу с открытыми окнами), в контору я, чего давно уже не случалось, пришел напевая, и не жди меня здесь Ваше письмо, я и вообразить бы не мог, с какой стати мне в праздничный день являться на службу.

Как я раздобыл ваш адрес? Вы же не об этом спрашиваете, когда спрашиваете об этом. Что ж, Ваш адрес я попросту выклянчил. Сперва мне назвали только какое-то акционерное общество, но оно мне не понравилось. Потом я узнал Ваш домашний адрес, правда, без номера квартиры, а уж после и сам номер. Заполучив адрес, я успокоился и тем более не писал: обладания адресом мне казалось достаточным, а кроме того, я боялся, что адрес неправильный, ибо, в самом деле, кто такой этот Иммануил Кирх? А нет ничего печальнее, чем письмо, посланное по неточному адресу, это уже и не письмо вовсе, а скорее вздох. И только разузнав, что на вашей улице стоит кирха св. Иммануила, и расшифровав таким образом сокращение Иммануил-Кирхштрассе, я снова на некоторое время успокоился. Правда, теперь мне к Вашему адресу недоставало указания на сторону света, в Берлине это ведь почти неотъемлемая примета всякого адреса. Будь на то моя воля, я поселил бы Вас где-нибудь в северной части города, пусть даже это и бедные места, как мне почему-то кажется.

Но и помимо хлопот с адресом (тут в Праге никто толком не знает, какой у вас номер дома — 20 или 30) — чего только не пришлось вытерпеть этому моему разнесчастному письму, прежде чем оно было написано. Теперь, когда дверь между нами начинает приоткрываться или, по крайней мере, когда мы с двух сторон взяли за ручки, я могу, а пожалуй что и обязан в этом признаться. Какие только капризы не помыкают мной, сударыня! Нервические странности падают на меня беспрерывным дождем. То я хочу одного, то, через секунду, совсем другого. Уже поднявшись по лестнице, я

все еще не знаю, в каком состоянии войду к себе в квартиру. Приходится нагромождать в себе разные нерешительности, пока они не перерастут в некую маленькую решимость или вот в письмо. Как же часто — без преувеличения, вечеров десять — я перед сном сочинял то свое первое письмо к Вам. Но это одна из моих бед: ничего из того, что я тщательно продумал заранее, я потом не в состоянии записать разом, в один прием. У меня очень слабая память, но даже самая прекрасная память не помогла бы мне в точности воспроизвести пусть даже самый маленький, загодя придуманный или просто намеченный пассаж, ибо внутри каждого предложения есть связи и переходы, остающиеся как бы подвешенными. Стоит мне начать записывать фразу — передо мной одни обломки, они громоздятся и застыт целое, я не вижу просвета ни между них, ни за ними, так что будь на то воля моей капризной природы, впору хоть бросать перо. Тем не менее я продолжал раздумывать над тем письмом, я ведь еще не решился его написать, а подобные раздумья — самое верное средство удержать меня от решения. Однажды, помню, я среди ночи даже с кровати вскочил, намереваясь немедленно записать некий только что придуманный для Вас оборот. Но тут же улегся обратно, потому что — и это вторая моя беда — подобная спешка показалась мне ужасной глупостью, я корил и уверял себя, что столь ясные мысли легко сумею записать и завтра утром. Ближе к полуночи подобные самообольщения всегда наготове.

Впрочем, на этом пути я никогда не доберусь до конца. Болтаю о своем предыдущем письме, вместо того чтобы писать Вам все то многое, что хочу написать. Заметьте себе, почему это письмо обрело для меня такую важность. Оно обрело важность, потому что Вы мне на него ответили, и это Ваше ответное послание лежит сейчас рядом и дарит мне счастливые минуты дурацкой радости, когда я кладу на него руку, дабы удостовериться, что я и вправду им обладаю. Так

что поскорее напишите мне еще одно. Особенно стараться не надо — по письму сразу видно, сколько в него вложено труда; вы просто ведите для меня маленький дневник, это дается не так трудно, зато адресату дает очень много. Разумеется, для меня Вы будете записывать несколько больше, чем Вы писали бы только для себя, ведь я Вас совсем не знаю. Так что для начала Вам придется мне сообщить, когда Вы приходите на службу, что ели на завтрак, куда смотрят окна Вашей конторы и какая у Вас там работа, как зовут Ваших друзей и подруг, кто это делает Вам подарки, норовя подорвать Ваше здоровье шоколадными конфетами, а также тысячу других вещей, о существовании и самой возможности существования которых я и ведать не ведаю. — Кстати, что насчет путешествия в Палестину? Если не в ближайшем, то в скором будущем, следующей весной или осенью непременно. Макс забросил пока что свою оперетту, сейчас он в Италии, но вскоре намерен ошеломить Вашу Германию невероятным литературным ежегодником. Моя книга — книжица, — тетрабочка — встретила у него очень радушный прием. Но не больно-то она хороша, надобно писать гораздо лучше. На этом завете и прощаюсь!

Ваш Франц Кафка.

13.10.1912

Милостивая сударыня!

Две недели назад в десять часов утра я получил от Вас первое письмо и спустя какие-то минуты уже сидел за ответным посланием, написав Вам четыре страницы неимверного формата. О чем и сейчас нисколько не сожалею, ибо провести то время с большей радостью было нельзя, сожалеть же приходится только о том, что написанное тогда так и осталось крохотным началом, написать хотелось гораздо больше, так что подавленная в себе часть письма еще

долго, целыми днями распирала меня и не давала покоя, покуда беспокойство это не сменилось ожиданием Вашего ответа и все более слабеющей надеждой этот ответ получить.

Так почему же Вы мне не написали? — Возможно, а с учетом поспешности того моего письма даже вполне вероятно, что Вы наткнулись там на какую-нибудь глупость, которая могла Вас смутить, но искренность и доброта намерений, сквозивших в каждом моем слове, ведь не могли же от Вас ускользнуть. — Или, может, какое-то из писем затерялось? Но мое было отправлено с таким тщанием, а Вашего ждут с таким рвением, что затерять их просто не могли... Да и теряются ли вообще письма — даже те, которых ждут уже почти без надежды, из одного только необъяснимого упрямства? — Или, может, Вам не передали мое письмо из-за упоминания о палестинской затее, которую не одобряют Ваши домашние? Но возможно ли такое в семье, а тем паче по отношению к Вам? А ведь письмо мое, по моим расчетам, должно было дойти до Вас еще в воскресенье утром. — В таком случае остается только одно печальное предположение — что Вы прихворнули. Но и в это я верить не хочу, Вы наверняка здоровы и радуетесь жизни. — Все остальное мой разум просто отказывается понимать, и я пишу это письмо не столько в надежде на ответ, сколько во исполнение долга перед самим собой.

Будь я почтальоном, что разносит письма по Вашей Иммануил-Кирхштрассе, я бы с этим письмом в руках, минуя одного за другим всех изумленных членов Вашего семейства, через все комнаты прошел бы прямо в Вашу и вложил бы конверт Вам прямо в руку; а еще лучше — сам оказался бы под дверями Вашего дома и долго, бесконечно долго жал на кнопку звонка, с восторгом и упоением предвкушая долгожданную, все сомнения и напряжения разряжающую встречу, исполненную для меня упоения и восторга.

Ваш Франц К.

23.10.1912

Милостивая сударыня!

Даже если бы все три заместителя директора стояли сейчас над моим столом, заглядывая мне через плечо, я все равно ответил бы Вам немедленно, ибо Ваше письмо упало на меня как дар небес, на которые я уже три недели в тщетном упованиизираю. (Кстати, предположение насчет начального присмотра незамедлительно подтвердилось, правда, только в лице моего непосредственного начальника.) Доведись мне отвечать на присланное Вами описание Вашего нынешнего житья-бытья той же монетой, мне пришлось бы сказать, что жизнь моя по меньшей мере наполовину состояла из ожидания Вашего письма, к коей половине я бы причислил еще три маленьких послания, которые я написал Вам за эти три недели (меня между тем расспрашивают о страховании заключенных, Бог ты мой!) и из которых два теперь с грехом пополам еще можно Вам отослать, тогда как третье, хотя в действительности-то оно первое, отправлено быть никак не может. Так, значит, письмо Ваше затерялось (только что мне пришлось заявить, что о министерской жалобе некоего Йозефа Вагнера из Катаринаберга я ровным счетом ничего не знаю), и ответов на свои давешние вопросы мне уже не видать, при том что вины моей в этой утрате нет никакой.

А я по поводу этой утраты все никак не успокоюсь, не могу сосредоточиться, готов весь мир засыпать жалобами, хотя сегодня жизнь уже совсем не та, что вчера, но накопившаяся тоска по-прежнему не отпускает, норовит выплеснуть-ся из прошлого и омрачить настоящее.

Выходит, то, что я Вам сегодня пишу, это не ответ на Ваше письмо, ответом, быть может, станет письмо завтрашнее, а то и вовсе послезавтрашнее. И манера писать у меня не сама по себе такая дурацкая, она дурацкая ровно настолько, насколько отражает мой нынешний образ жизни, который я Вам тоже когда-нибудь смогу живописать.

А Вас между тем по-прежнему задаривают! И все эти книги, конфеты и цветы громоздятся прямо на письменном столе у Вас на работе? У меня на столе только обычный канцелярский разгром, а Ваш цветок, за который целую Вам руку, я поскорее спрятал в бумажник, где, невзирая на теперь уже невозполнимую утрату одного письма, хранятся два других Ваших послания, одно, правда, адресовано Максусу, но я его у него выклянчил, пусть это и смешно немного, но Вы, надеюсь, за это на меня не в обиде.

Наверно, даже хорошо, что в переписке нашей с самого начала вышла такая заминка, я теперь знаю, что смогу писать Вам, даже когда ответы Ваши не доходят. Но больше письма теряться не должны. — Всего вам хорошего, и не забудьте про маленький дневник.

Ваш Франц К.

24.10.1912

Милостивая сударыня!

Ах, какая сегодня была трудовая бессонная ночь, — только под конец ее, свернувшись калачиком, я чуть ли не силой принудил себя к двум часам натужной, почти искусственной дремы, когда и сон не в сон, и сны не сны. А с утра в подъезде на меня еще налетел ученик мясника с лотком, деревянный угол которого я и сейчас еще вполне болезненно ощущаю у себя под левым глазом.

Разумеется, такое начало дня не лучшим образом помогает преодолевать трудности, с коими связано для меня писание писем Вам, трудности, которые и этой ночью в самых разных формах проходили перед моим мысленным взором. Трудности эти вовсе не от моего неумения высказать то, о чем я хочу написать, ибо хочу я написать о самых простых вещах, но вещей этих столько, что я не в силах разместить их во времени и пространстве. Иногда, осознавая это свое бес-

силе, — правда, такое бывает только ночью, — я готов все бросить и никогда больше не писать, ибо лучше уж умереть от ненаписанного, чем от писанины.

Вы пишете, что часто ходите в театры, меня это интересует очень, потому что, во-первых, Вы там, в Берлине, находитесь в самом центре театральных событий, во-вторых, Вы с большим вкусом выбираете театры для посещений (за исключением «Метрополя», в котором и мне случалось побывать, я там зевал так, что боялся проглотить сцену), в-третьих, сам я по части театра полный профан. Но, опять-таки, много ли проку читать о Ваших театральных походах, если я не знаю всего, что им предшествовало, и всего, что было после, не знаю, во что Вы были одеты, какой был день недели и какая в тот день стояла погода, когда Вы ужинали — до театра или после, где Вы сидели, в каком были настроении и почему именно в таком, а не другом, и так далее, и так до бесконечности. Разумеется, совершенно невозможно, чтобы Вы написали мне обо всем этом, но точно так же невозможно и все остальное.

Самое позднее весной в издательстве Ровольта в Лейпциге должен выйти «Ежегодный альманах изящной словесности», который издает Макс. Там будет напечатан и мой маленький рассказ, «Приговор», с посвящением «Мадемуазель Фелиции Б.».

Надеюсь, Вы не воспримете это как бесцеремонное посягательство? Особенно если учесть, что посвящение предваряет рассказ уже больше месяца, а рукопись уже выпущена мною из рук. Возможно, извинением мне послужит то обстоятельство, что вторую часть посвящения — «Мадемуазель Фелиции Б., чтобы она получала подарки не только от других» — я все-таки заставил себя опустить? По сути же история эта, сколько я могу судить, к Вам лично ни малейшего отношения не имеет, разве что там мельком упоминается девушка Фрида Бранденфельд, то есть, как я лишь после

осознал, с такими же, как у Вас, инициалами. Единственная связь с Вами состоит, пожалуй, лишь в том, что маленький этот рассказик издали пытается быть достойным Вас. Что и стремится выразить посвящение.

Всего наилучшего, и не сердитесь за каждодневную обязанность расписываться в получении заказной корреспонденции.

Ваш Франц К.

27.10.1912

Милостивая сударыня!

Наконец-то в восемь часов вечера — и это в воскресенье — я могу сесть за письмо к Вам, хотя все, чем я в течение целого дня занимался, имело целью как можно скорее за это письмо приняться. Вы-то сами весело проводите воскресенье? Ну конечно же, после Вашей-то изматывающей работы! Для меня, по крайней мере в последние полтора месяца, каждое воскресенье — это чудо, манящее сияние которого я начинаю прозревать уже в понедельник с утра, едва проснувшись. Главная же трудность после этого — как протянуть целую неделю до следующего воскресенья, как проташить воз работы сквозь все эти будни, когда к пятнице ты окончательно выбиваешься из сил и, кажется, все, мочи нет. Когда вот так, час за часом, проводишь неделю, когда даже при свете дня ты в силах сосредоточиться лишь ненамного больше, чем нескончаемой бессонной ночью, и когда вдруг оглянешься на себя посреди беспощадной машинерии такой вот недели, — тогда поневоле начнешь радоваться, что эти безотрадные, тоскливые дни не обваливаются на месте, чтобы тут же начать медленно вздыматься вновь, а все-таки худо-бедно проходят, влачатся, и тебя наконец-то ждет благодатная передышка вечера и подступающей ночи.

По воскресеньям я тоже веселею, но не сегодня; сегодня, исполняя повинность обязательной воскресной прогулки, я бродил под дождем; полдня — это лишь по видимости противоречит сказанному в первых строках — провел в постели, наилучшем прибежище для задумчивости и печали...

Хорошо же, однако, я Вас развлекаю! Милая барышня, может, мне лучше просто встать из-за стола и бросить на сегодня всю писанину? Но, быть может, Вы все видите насквозь и знаете, что в конечном счете я все равно очень счастлив, и тогда мне можно остаться и писать дальше.

В Вашем письме Вы упомянули, насколько неуютно чувствовали себя в Праге тем вечером, и хотя сами Вы об этом не сказали, а возможно, даже и не подумали, все-таки чувствуется, что ощущение неуюта вошло в тот вечер только вместе со мной, ибо до этого Макс еще почти не успел заговорить о своей оперетте, тем паче что она и вообще-то не слишком занимала его заботы и мысли, и только я, явившись со своей нелепой папкой, нарушил общее настроение. Кроме того, это была как раз та странная полоса в моей жизни, когда я во время своих все более частых визитов позволял себе сомнительное удовольствие досаждать Отто Броду, который придает особое значение своевременному отходу ко сну, нескончаемыми разглагольствованиями, по мере продвижения стрелки часов все более и более оживленными, покуда обычно объединенными и, разумеется, дружелюбно-ласковыми усилиями всего семейства не бывал выставлен из квартиры на улицу. Вследствие чего мое появление в доме в столь поздний час — девять, по-моему, уже миновало — наверняка было воспринято как угроза. То есть в сознании членов семьи два наших визита вызывали трудно совместимые чувства: с одной стороны Вы, кому предназначалась только искренняя доброта и любезность, и с другой же стороны я, так сказать, завзятый шатун-полуночник. Для Вас, к примеру, музицировали на рояле, тогда как для меня Отто начинал